

DOI 10.69571/SSPU.2025.3.96.010

УДК 94(477.7)»18»:344.131(091)

ББК63.3(2)522-414.13

А.Э. НАСРЕТДИНОВ «ОТ КАРЦЕРА ДО КАБРИОЛЕТА»:
АНАЛИЗ ПОБЕГА В.Ф. КОСТЮРИНА
ИЗ ОДЕССКОЙ КОННОЙ ЖАНДАРМСКОЙ
КАЗАРМЫ

A.E. NASRETDINOV «FROM CELL TO CARRIAGE»:
AN ANALYSIS OF AN ESCAPE V.F. KOSTYURIN
FROM THE BARRACKS OF ODESSA
MOUNTED GENDARMERIE

В статье рассматривается случай побега революционера Виктора Фёдоровича Костюрина из Одесской конной жандармской казармы в марте 1877 года. На основе архивных делопроизводственных материалов и источников личного происхождения (воспоминаний, рапортов, протоколов допросов и служебной переписки) реконструируется последовательность событий побега, послуживших причиной для внутреннего служебного расследования. Особое внимание уделяется действиям организаторов побега, нарушениям в организации караула и реакции жандармского командования. Через анализ повседневной практики надзора, условий содержания и дисциплинарных мер, предпринятых после инцидента, выявляются особенности функционирования жандармских казарм как мест временного заключения по делам о государственных преступлениях.

The article examines the case of the escape of revolutionary Viktor Fyodorovich Kostyurin from the Odessa mounted gendarme barracks in March 1877. Based on archival records and personal sources (memoirs, reports, interrogation protocols, and official correspondence), the sequence of escape events that led to an internal investigation is reconstructed. Special attention is paid to the actions of the escape organizers, violations in the organization of the guard, and the reaction of the gendarme command. Through an analysis of the daily practice of supervision, conditions of detention and disciplinary measures taken after the incident, the specifics of the functioning of gendarme barracks as places of temporary detention in cases of State crimes are revealed.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: народничество, тюремный побег, Одесская конная жандармская казарма, пенитенциарная система, В.Ф. Костюрин, жандармерия.

KEY WORDS: populism, prison escape, Odessa mounted gendarmerie barracks, penitentiary system, V.F. Kostyurin, gendarmerie.

ВВЕДЕНИЕ. В 1870-е годы революционное движение в Российской империи вступило в фазу активизации, прежде всего в лице народничества, оформившегося как идейное и организационное течение с выраженной анархистской и социалистической направленностью. Массовое движение народнической интеллигенции в крестьянскую среду, серия покушений на высших представителей власти, активная пропагандистская деятельность и распространение нелегальной литературы вызвали резкое обострение внутринеополитической ситуации. Ответной реакцией государства на рост революционной активности стало ужесточение карательной политики: был реорганизован и расширен штат жандармских и полицейских органов, оптимизированы административные процедуры доследования и надзора, усилен контроль за лицами, обвиняемыми в «государственных» преступлениях.

Тем не менее, несмотря на внешне демонстрируемую решимость властей, слабая институционализация тюремной системы, ведомственная разобщённость и хроническая бюрократическая несогласованность продолжали оставаться «ахиллесовой пятой» государственной репрессивной машины. Побег политических заключённых, зачастую дерзкие и тщательно спланированные, превращались в символическое поражение власти и подрывали её авторитет в глазах общества. Более того, сами факты побегов и последующие разоблачения уязвимостей тюремного режима становились предметом активной эксплуатации в революционной пропаганде.

Следовательно, анализ даже отдельных случаев побега, таких как побег В.Ф. Костюрина в 1877 году, позволяет не только реконструировать механизмы взаимодействия между политическими противниками царского режима и силами правопорядка, но и выявить структурные слабости государственной репрессивной машины в период её ужесточения. Подобные инциденты, вопреки желанию властей представить их как случайные и единичные, неизбежно вписывались в более широкий контекст политической нестабильности.

ЦЕЛЬ статьи — на основе делопроизводственных документов реконструировать обстоятельства побега В.Ф. Костюрина из Одесской конной жандармской казармы 25 марта 1877 г., выявить допущенные нарушения в действиях офицеров и нижних чинов, а также оценить принятые в отношении них дисциплинарные меры.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В отечественной историографии последних десятилетий наблюдается возрастающий интерес к случаям побегов из пенитенциарных учреждений дореволюционной России второй половины XIX века, в первую очередь организованных участниками народнического движения. Обращение отечественных исследователей к случаям тюремных побегов обусловлено стремлением к комплексному осмыслению механизма функционирования репрессивной политики самодержавия. Побег рассматриваются не как эпизодические инциденты, а как важные маркеры институциональной уязвимости тюремной системы в дореволюционной России, что позволяет выявить не только эффективность и недостатки функционирования царской карательной политики, но также особенности общественно-политической атмосферы эпохи, степень организации и готовности революционного движения вступать в конфронтацию с государственной властью. Большинство исследований охватывает территорию от Сибири до центральных и южных губерний Российской империи [4; 5; 8; 9].

Случаи побегов из учреждений временного содержания политических заключённых имеют особую ценность для изучения дореволюционной тюремной системы, поскольку они демонстрируют характер охранных мер, применявшихся на этапах предварительного следствия. Деятельность этих учреждений, служивших переходным звеном между моментом ареста и этапом передачи арестантов в центральные тюрьмы, предоставляет возможность анализа мер надзора, применявшихся к политическим заключённым, а также механизмов координации жандармского корпуса с прочими правоохранительными и административными ведомствами. Одним из таких видов учреждений временного содержания выступали военные жандармские казармы — помещения для предварительного заключения задержанных, в которых, наряду с осуществлением первичного надзора и контроля за политическими арестантами в условиях переполненности тюрем, закреплялись и регламентировались процедуры содержания подозреваемых до их этапирования в основные места заключения. К наиболее ярким эпизодам побегов из учреждений такого типа относится инцидент 25 марта 1877 г. — бегство Виктора Фёдоровича Костюрина из-под стражи Одесской конной жандармской команды. Данный случай привлек внимание высшего военного руководства, спровоцировал внутреннее расследование и выявил нарушения уставных норм.

Таким образом, на основе анализа судебных приговоров, служебных рапортов, протоколов допросов и административных документов устанавливаются нормативно-процедурные недостатки в организации караульной службы, ошибки в распределении обязанностей

и контроле за заключённым, а также оценивается характер дисциплинарных мер, применённых к офицерскому и рядовому составу. Такой подход позволяет не только воспроизвести ход конкретного события, но и сделать выводы о функционировании жандармских практик в пореформенный период.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Побег, содержавшегося под стражей по политическому делу о покушении на жизнь дворянина Н.Е. Гориновича, Виктора Костюрина относится к числу примечательных случаев тюремных побегов конца XIX века. Несмотря на предусмотренные регламентом меры охраны, арестант, воспользовавшись недостаточной организацией караульной службы, сумел не только сбить с ног двух часовых, но и скрыться на кабриолете с экипажем, ожидавшим его у ворот. Реконструкция событий, связанных с побегом, невозможна без обращения к фигуре самого участника: биографический и идейный портрет В.Ф. Костюрина позволяет точнее определить его мотивацию, а также специфику социального и политического окружения, способствовавшего подготовке и осуществлению побега.

Виктор Фёдорович Костюрин — выходец из мелкопоместного дворянского рода, вовлечённый в революционное движение 1870-х годов. Его биография является типичной для радикально настроенной провинциальной интеллигенции, но вместе с тем в его судьбе отразились многие индивидуальные черты, характерные для представителей народнического сознания этого времени.

Родившись в 1853 г. и получив первоначальное образование в Кишинёвской гимназии, он в 1871 г. поступил на естественное отделение Новороссийского университета. В 1873 г. Костюрин обосновывается в Одессе и входит в состав местного революционного кружка, в который также входили А.И. Желябов, П. М. и А.М. Макаревичи, А.А. Франжоли, Ф.В. Волховский и другие. На единой квартире участники кружка хранили запрещённую литературу и обсуждали планы вооружённого сопротивления в случае арестов. Помимо этого, кружок активно осуществлял народническую пропаганду в рабочих артелях [10, с. 219]. Продолжая, в это время, обучение в университете, Костюрин подвергался критике со стороны сверстников, которые сомневались в целесообразности сохранения формального статуса учащегося при одновременном призыве к отказу от учёбы и активному участию в пропагандистской деятельности среди крестьянства [6, л. 1]. Такая противоречивая позиция вызывала у Костюрина внутренний конфликт, что в конечном итоге обусловило его решение прекратить обучение в университете и полностью посвятить себя революционной работе [6, л. 2].

С прекращением обучения в университете перед Костюриным встала необходимость определиться с дальнейшей судьбой в условиях всеобщей воинской повинности, введённой Уставом 1874 г. Согласно новому порядку, призываемые определялись жеребьёвкой, а не вынужденные «призывной жребий» лица освобождались от обязательной службы и зачислялись в ополчение [12, с. 16]. Ему предстояло сделать выбор: либо немедленно уходить в подполье, избегая службы, либо легально отбыть воинскую повинность, сохранив возможность дальнейшей политической активности в армии. Рассчитывая, после прохождения службы, возобновить деятельность в революционном движении среди крестьянства [6, л. 2], Костюрин изъявил желание поступить на службу в армию на правах вольноопределяющегося, что предполагало сокращённый срок службы для лиц с соответствующим уровнем образования [12, с. 98]. Костюрина определили в 4-ю батарею 14-й артиллерийской бригады, дислоцировавшуюся в Одессе. В то же время Костюрин ясно осознавал ограниченность крестьянского восстания без поддержки со стороны профессиональной армии. Армия, с его точки зрения, открывала возможности для последующего формирования военной организации, способной поддержать революционное движение. Это способствовало укреплению его убеждённости в необходимости системной и целенаправленной пропаганды внутри армейских подразделений, как одного из подготовительных этапов к будущей революции [6, л. 15-16]. Аналогичным образом многие участники народнического движения добровольно направлялись в Боснию

и Герцеговину, Болгарию для участия в вооружённой борьбе за освобождение славянских народов. Восприятие таких кампаний как освободительных усиливало у революционеров убеждённости в справедливости их борьбы и способствовало радикализации действий против царского режима [11, с. 273].

В 1874 году деятельность одесского кружка была раскрыта: начались обыски, допросы и аресты участников, в том числе и тех, кто находился под наблюдением полиции. В это время Костюрин уже проходил службу в армии, однако 23 сентября он был арестован в Бендерах на основании информации, полученной из письма, изъятого у П.М. Макаревича [1, л. 5]. Несмотря на это, вскоре, он был освобождён за отсутствием достаточных доказательств и уволен с военной службы.

В июне 1876 г. Костюрин присоединился к Елисаветградскому кружку «бунтарей» под псевдонимом «Алёшка», где совместно с соратниками участвовал в неудачной попытке убийства народника Н.Е. Гориновича. Участники елисаветградского кружка заподозрили Гориновича в даче компрометирующих показаний и сочли его активную деятельность по возобновлению связей со старыми знакомыми опасной. Л.Г. Дейч и В.А. Малинка пришли к заключению, что иных средств решения проблемы, кроме убийства, не существует [3, с. 269]. Инцидент произошёл в Одессе, у площади около товарной железнодорожной станции: Дейч и Малинка нанесли Гориновичу несколько ударов по голове кистенём, после чего, приняв его за мёртвого, облили его лицо серной кислотой с целью затруднить опознавание [3, с. 269]. Пострадавший был доставлен в полицейский участок, а затем в больницу. По итогам следствия к ответственности были привлечены участники группы, включая Костюрина, который был арестован 11 февраля 1877 г [1, л. 5].

Предшествующим эпизодом, который поспособствовал аресту Костюрина, послужило дело елисаветградского адвоката С.М. Краева, имевшего связи с киевскими бунтарями. Краев был недостаточно осведомлён о контактирующим с ним кругом лиц: единственное, что он о них знал — их подпольные клички и фрагментарные сведения, которые он мог услышать в их беседах. После «дела Гориновича» в Елисаветграде начались обыски и допросы. При следствии выяснилось, что покушавшиеся встречались на квартирах у двух людей — Краева и военного фельдшера Л.О. Майданского. Краева посадили в одесскую тюрьму, где, оказавшись без денег и без поддержки близких, он сильно истощился и подвергся серьёзному нервному напряжению. В числе его «связей» значился некий «Алёша». На фоне подготовки к русско-турецкой войне 1877–1878 годов, в рамках пересмотра мобилизационных списков, в поле зрения жандармов попал, ранее упоминаемый, «Алёша», артиллерист, подозреваемый в политической деятельности. Им оказался Виктор Костюрин. Жандармы решили свести подозреваемого с Краевым в надежде установить их связь. Однако встреча обернулась неожиданным исходом: измученный тюремными условиями Краев умолял Костюрина признаться, чтобы избавить его от дальнейших страданий. Движимый жалостью, Костюрин подтвердил знакомство с Краевым, заявив при этом, что последний не имеет никакого отношения к революционной деятельности. В результате Краева освободили, а Костюрин, обвиняемый в покушении на жизнь дворянина Гориновича, был переведён на содержание в Одесскую жандармскую казарму по распоряжению начальника жандармского управления г. Одессы, полковника К.Г. Кноппа [13, с. 6]. Сама же Одесская конная жандармская казарма представляла собой учреждение структуры Отдельного корпуса жандармов — политико-полицейского формирования в составе Военного министерства Российской империи. В обязанности такого учреждения, помимо общей военно-полицейской службы, входили дознания, политический розыск и содержание под стражей «неблагонадёжных» элементов, в том числе революционных деятелей. Костюрина разместили в карцере с решётчатым окном, оборудованном малым смотровым окошком, и выделили караул из трёх жандармов, сменявшихся через четыре часа, а ночью — ещё одного часового под окном [2, л. 34].

Костюрин, молодость и физическое здоровье, которого сочетались с неуёмным стремлением к революционной деятельности, оказался внезапно лишённым возможностей для реализации своих целей. В условиях полной изоляции, он воспринимал побег как единственно возможный выход из этой ситуации. Для этой цели он установил связь с одесскими соратниками: Г.А. Попко и М.Ф. Фроленко получили от него через переписку сведения о предполагаемых путях содействия в бегстве. Находясь в жандармской казарме, Костюрин имел доступ к письменным принадлежностям и допускался к свиданиям с матерью, на которых, возможно, мог передавать ей сообщения для своих товарищей на воле [2, л. 34]. В ходе подготовительных мероприятий Фроленко провёл разведку расположения казарм и порядка несения караульной службы, а Попко взял на себя установление контакта с Костюриным. Изначально предложенный план побега верхом был вскоре признан неэффективным. По воспоминаниям Фроленко, неудачный опыт организации побега Волховского из Москвы с помощью верховых лошадей показал ряд серьёзных организационных препятствий, прежде всего, чрезмерно высокую стоимость содержания животных. К тому же последующее изучение, прилегающей к казармам, территории продемонстрировало её непригодность для осуществления побега верхом. В результате участники группы на время отказались от этой идеи и приступили к разработке альтернативных вариантов, включая, в том числе, возможность нейтрализации караульного часового [13, с. 7].

Финансовые затруднения значительным образом усложняли подготовку побега: средства были нужны организаторам не только на подготовку дела, но и на базовые потребности в виде жилья и пищи. Новый импульс делу придала А.М. Макаревич, прибывшая в Одессу с финансами на побег Костюрина. Узнав, что Костюрину уже разрешили прогулки под конвоем, организаторы решили использовать экипаж местного француза, владельца одесского татарсая. После длительных обкаток лошадей в итоге выбрали, и зачинщики побега стали выжидать удобного случая. Примерно в это же время Костюрин направляет письмо о том, что 25 марта совершит попытку побега «при любых обстоятельствах» и просит сообщников быть с экипажем. Начались активные приготовления к побегу [13, с. 7-11].

Стоит учесть, что накануне побега, 24 марта, Костюрин встретился со своей матерью в квартире начальника Одесской конной жандармской команды, майора Гофмана: присутствие офицера должно было обеспечить строгость и безопасность процедуры, однако матери, как свидетельствует рапорт начальника жандармского управления, полковника К.Г. Кноппа и адъютанта одесского жандармского управления, князя Шаховского, удалось ненавязчиво передать сыну сведения, которые, по всей видимости, могли способствовать побегу [2, л. 5]. На сам день побега пришёлся пост «страстной пятницы», когда значительная часть нижних чинов команды по церковным нарядам находилась вне казарм — из 23 числившихся по списку лишь около 15 человек могли в считанные минуты откликнуться на сигнал тревоги [2, л. 34], что также позволяло заговорщикам увеличить свои шансы на удачное освобождение Костюрина.

25 марта 1877 г. часовой караульный команды, рядовой Давид Мальченко вывел Костюрина во двор при закрытых калитках: дневальный команды, рядовой Павел Константинов стоял у ворот, а дежурный по команде, унтер-офицер Сахненко исполнял дозор по казарме. Майор Гофман, хотя и подчёркивал готовность лично присутствовать при прогулках, отлучился «перекусить» на третий этаж, после чего дежурный по команде, унтер-офицер Сахненко ненадолго зашёл на кухню напиться воды. Воспользовавшись тем, что передовой караульный остался один и что ворота открывались изнутри, Костюрин внезапно бросился на Мальченко, сбил его сильным ударом в грудь, вырвался в переулок, опрокинул Константинова и, насколько удалось установить из показаний других служащих, рядовых Макара Хонюкова и Василия Михайлова, успел скрыться в экипаже, стоявшем неподалёку. Погоня, возглавленная теми же Мальченко и Константиновым, хотя и началась немедленно, не увенчалась успехом: лошади кабриолета уехали раньше, чем рядовые смогли вскарабкаться

на телегу, учитывая то, что случайные свидетели, крестьянин Иван Шаров и три женщины с корзинами, пытались помочь задержать Костюрина, но он вырвался, оставив пальто в их руках [2, л. 27].

Произведённое по распоряжению начальства дознание, проведённое штабс-капитаном Добродеевым, установило многочисленные нарушения порядка караульной службы. В частности, майор Гофман не принял необходимых мер к усилению охраны во время прогулки арестанта. Согласно правилам караульной службы, для кратковременной прогулки особо опасного заключённого следовало выставить не менее трёх вооружённых человек с обнажёнными шашками. Однако фактически Костюрина сопровождал один лишь часовой, причём с шашкой в ножнах [2, л. 5].

Кроме того, наблюдение дежурного унтер-офицера за прогулкой нельзя было считать надёжной мерой предосторожности, поскольку его обязанности могли требовать отлучек из двора. В результате фактическая охрана заключённого оказалась сведена к одному часовому. При этом начальству было хорошо известно о серьёзности обвинений, предъявленных Костюрину: он обвинялся в покушении на убийство по политическим мотивам, а значит требовал самого строгого надзора [2, л. 5–6].

В процессе расследования, допросы унтер-офицера Сахненко, рядовых Мальченко, Константинова, а также других свидетелей — рядовых Хонюкова и Михайлова — подтвердили слабую организацию караула. Сахненко признался, что отлучился на кухню, оставив Костюрина только с часовым; Мальченко, в свою очередь, заявил, что считал дежурного ответственным за надзор и не поставил в известность наружного часового Константинова о прогулке арестанта. Таким образом, система надзора дала сбой по всей цепочке, позволив Костюрину практически беспрепятственно покинуть территорию казармы.

Одновременно вскрылись и другие факты неудовлетворительной организации службы в Одесской конной жандармской казарме. Оказалось, что штат караула был недостаточен, что в дни религиозных праздников (побег произошёл в Страстную пятницу) многие нижние чины находились на нарядах по церквям. При этом в самой казарме находилось около 23 еловек, однако начальник команды не предпринял никаких усилий для их мобилизации с целью усиления караула во время прогулки Костюрина. Более того, вахмистр одесской жандармской команды Алябьев показал, что ранее на прогулках арестованных сопровождал один часовой с шашкой в ножнах, хотя по уставу предусматривалось выставление не менее двух вооружённых жандармов [2, л. 33].

Организационные недостатки не ограничивались только казармами. По свидетельствам очевидцев, калитка во внешних воротах не была заперта на замок, а только приговорена, что значительно облегчило побег. После происшествия меры были ужесточены: наружным часовым начали выдавать револьверы, а прогулки заключённых стали сопровождать пять человек с обнажёнными шашками [2, л. 34]. Однако эти меры были приняты уже постфактум. Следственные органы пришли к выводу о виновности майора Гофмана в нерадении и нарушении правил караульной службы. Вместе с ним были признаны виновными унтер-офицер Сахненко, допустивший самовольную отлучку, и полковник Кноп, не обеспечивший должного порядка в подчинённой ему части. В результате произошедшего начальник жандармского управления полковник Кноп рапортовал о необходимости дисциплинарных взысканий: майору Гофману — за неисполнение приказов и правил караульной службы; унтер-офицеру Сахненко — за отлучку без уважительной причины; рядовым Мальченко и Константинову — за недостаточную расторопность, но их действия признали следствием системных упущений [2, л. 6].

После побега расследование выявило многочисленные нарушения в организации содержания арестанта. Как показали дальнейшие допросы, свидания Костюрина с матерью были ограничены и проходили в присутствии охраны, но потенциально могли использоваться как канал передачи информации организаторам побега Костюрина с сообщниками

на воле. В ходе прогулок контроль за заключённым осуществлялся со многими нарушениями, что стало одной из причин его успешного побега.

Военное следствие пришло к выводу, что майор Гофман, несмотря на наличие предписаний, допустил упущения в организации охраны: оставление арестанта на прогулке с одним часовым противоречило требованиям приказа по Корпусу жандармов от 26 июня 1866 года № 77, согласно которому политических арестантов необходимо сопровождать не менее чем двумя часовыми с обнажёнными шашками [7, с. 197]. Рядовой Мальченко не извлёк шашку из ножен, как того требовали инструкции. Константинов, стоявший у ворот, не был осведомлён о прогулке арестанта. Гофман, оправдываясь, заявил, что «привычный порядок» прогулок с одним часовым существовал ещё при его предшественнике [2, л. 35].

Переписки и телеграммы между полковником Кнопком и начальником штаба Отдельного корпуса жандармов, генерал-майором А.Н. Никифораки демонстрируют, что командование колебалось между желанием дисциплинарно наказать руководство команды и нежеланием лишиться части офицерского состава. Никифораки, ссылаясь на военно-судебный устав, указал, что предварительное следствие само по себе не обязывает отстранять начальника части от должности, и рекомендовал дожидаться мнения военного следователя, несмотря на чёткие нарушения устава караульной службы [2, л. 10].

Судебно-дисциплинарные санкции оказались разноуровневыми: майор Гофман, признанный виновным в неполном соблюдении караульных правил, получил пять суток гауптвахты, рядовой Мальченко — шесть суток строгого ареста, Константинов — четыре, унтер-офицер Сахненко был лишён офицерского звания с последующим восстановлением в унтерском чине в 1878 году, а полковнику Кноппу объявлен выговор за бездействие и систематическую неорганизованность внутреннего порядка [2, л. 36]. Военный прокурор Ляшинский, в заключении по делу, подчёркивал, что, несмотря на наличие формальных предписаний, «жандармская команда как отдельная воинская часть комплектуется лучшими чинами регулярной кавалерии и обязана караулить государственных преступников», однако практика показала, что без строгой централизации и дисциплины даже лучшие нижние чины могли оказаться беспомощными в критический момент [2, л. 15].

Письмо от 22 октября 1877 года начальнику штаба Отдельного корпуса жандармов, генерал-майору А.Н. Никифораки, в котором начальник управления признаёт, что не видел следственного дела по обвинению майора Гофмана и не читал показания, лишь подтверждает аморфность взаимодействия следственных органов и командования части: рекомендации Кноппа представляют собой ответы на запросы следователя, которые затем передавались Гофману для «соображения своих объяснений», что вводило дополнительную бюрократическую задержку и нивелировало оперативность мер [2, л. 37].

Наконец, побег Костюрина был воспринят в руководстве жандармского корпуса как серьёзный репутационный урон. Сам факт успешного освобождения политического заключённого воспринимался как вызов царской системе правосудия и государственной власти в целом. Для участников народнического движения побеги из заключения становились формой политического манифеста, демонстрацией непризнания царского суда и отказа подчиняться его решениям. В частных письмах высших чиновников, таких как генерал-майор Никифораки, встречаются выражения явного раздражения и тревоги по поводу возможности распространения подобных инцидентов в печати и среди высших слоёв общества.

ВЫВОДЫ. Таким образом, инцидент с побегом В.Ф. Костюрина из Одесской конной жандармской казармы в 1876 году представляет собой показательный эпизод, позволяющий более предметно осмыслить повседневную практику функционирования охранительных структур Российской империи во второй XIX века. Несмотря на нормативную строгость предписаний, регламентировавших содержание «государственных преступников», реалии исполнения этих инструкций в конкретных условиях нередко оставляли широкое простран-

ство для отклонений, обусловленных как организационной рутиной, так и элементарной халатностью исполнителей.

Проведённое расследование выявило не только системный сговор сообщников побега, но и совокупность факторов, среди которых ключевую роль сыграли слабый повседневный контроль, несоблюдение дисциплинарных предписаний и недостаточная координация между различными уровнями административного и жандармского надзора. Нельзя утверждать, что этот эпизод свидетельствует о полномасштабном кризисе репрессивной системы, однако он демонстрирует её уязвимость на уровне низовой исполнительской практики, особенно в условиях перегруженности, формализма и инерции в исполнении обязанностей.

Побег Костюрина стал также важным свидетельством сохранявшейся боеспособности революционной среды, способной не только координировать дерзкие акции, но и активно использовать слабости в аппарате властей. При этом само бегство, при всей своей символической ценности для радикальных кругов, одновременно служило стимулом для точечного пересмотра административных практик и ужесточения режима охраны в последующие годы. Тем не менее, данный эпизод позволяет уточнить представления о границах эффективности охранительной деятельности и об условиях, при которых даже регламентированная система может давать сбои, не являясь при этом организационно несостоятельной в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 96. Д. 1737 (Т. 2).
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 110. Оп. 1. Д. 82.
3. Дебогорий-Мокриевич В. К. Воспоминания. СПб: Книгоиздательство «Свободный труд» А. И. Жуковой и М. А. Полубояриновой, 1906. 598 с.
4. Иванов А.А. Побег политических ссыльных иркутской губернии в конце XIX — начале XX в. и их организация // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск. 2018. № 2. С. 165–176.
5. Милевский О.А. Буревестники политического террора: Валериан Осинский и Исполнительный комитет русской социально-революционной партии // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2023. № 1. С. 63–88.
6. Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 282. Оп. 1. Д. 335.
7. Россия. Отдельный корпус жандармов. Приказы по корпусу жандармов. 1866. СПб. 385 с.
8. Талеров П.И. Побег Петра Кропоткина: по материалам следствия // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. Сургут. 2018. № 3-1. С. 60–73.
9. Троев П.С. Побег ссыльных народников из Якутии в последней четверти XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск. 2013. № 4. С. 71–75.
10. Троицкий Н.А. Первые из блестящей плеяды (Большое общество пропаганды 1871–1874 гг.). Саратов: Издательство Саратовского университета, 1991. 312 с.
11. Троицкий Н.А. Россия в XIX веке: курс лекций: учеб. пособие для студентов вузов по специальности «История». М.: Высшая школа, 2003. 430 с.
12. Устав о воинской повинности. Вильна: тип. Вилен. губ. правл., 1874. 128 с.
13. Фроленко М.Ф. Побег Алёши Поповича (Виктора Костюрина). М.: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и сс.-поселенцев, 1924. 16 с.

REFERENCES

1. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [The State Archive of the Russian Federation]. F. 102. O. 96. D. 1737 (T.2). (In Russian).
2. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [The State Archive of the Russian Federation]. F. 110. Op. 1. D. 82. (In Russian).
3. Debogorij-Mokrievich V. K. *Vospominanija* [Memoirs]. SPb: Knigoizdatel'stvo «Svobodnyj trud» A. I. Zhukovoi M.A. Polubojarinovoj. 1906. 598 s. (In Russian).

4. Ivanov A.A. *Pobegi politicheskikh ssyl'nyh irkutskoj gubernii v konce XIX — nachale XX v. i ih organizacija* [Escapes of political exiles of the Irkutsk province in the late 19th — early 20th centuries and their organisation] // *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij*. Irkutsk. 2018. № 2. S. 165–176. (In Russian).
5. Milevskij O.A. *Burevestniki politicheskogo terrora: Valerian Osinskij i Ispolnitel'nyj komitet russkoj social'no-revoljucionnoj partii* [The Petrels of Political Terror: Valerian Osinsky and the Executive Committee of the Russian Social Revolutionary Party] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 8. Istorija*. 2023. № 1. C. 63–88. (In Russian).
6. *Otdel pis'mennyh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeja*. [Department of Written Sources of the State Historical Museum]. F. 282. Op. 1. D. 335. (In Russian).
7. *Rossija. Otdel'nyj korpus zhandarmov. Prikazy po korpusu zhandarmov* [Russia. Special Corps of Gendarmes. Orders on the gendarme corps]. 1866. SPb. 385 s. (In Russian).
8. Talerov P.I. *Pobeg Petra Kropotkina: po materialam sledstvija*. [The escape of Petr Kropotkin. According to the materials of the investigation] // *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. Surgut. 2018. № 3–1. S. 60–73. (In Russian).
9. Troev P.S. *Pobeg ssyl'nyh narodnikov iz Jakutii v poslednej chetverti XIX v.* [Escape of exiled Narodniks from Yakutia in the last quarter of the 19th century] // *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Novosibirsk. 2013. № 4. S. 71–75. (In Russian).
10. Troickij N.A. *Pervye iz blestjashhej plejady (Bol'shoe obshhestvo propagandy 1871–1874 gg.)* [The First of a Brilliant Pleiad (The Great Propaganda Society 1871–1874)]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1991. 312 s. (In Russian).
11. Troickij N.A. *Rossija v XIX veke: kurs lekcij: ucheb. Posobie dlja studentov vuzov po special'nosti «Istorija»* [Russia in the 19th century: a course of lectures: textbook for students of universities in the speciality 'History']. M.: Vysshaja shkola, 2003. 430 s. (In Russian).
12. *Ustav o voinskoj povinnosti* [Conscription statute]. Vil'na: tip. Vilen. gub. pravl., 1874. 128 s. (In Russian).
13. Frolenko M.F. *Pobeg Aleshi Popovicha (Viktora Kostyurina)* [Escape of Alesha Popovich (Victor Kostyurin)]. M.: Izdatel'stvo Vsesojuznogo obshhestva politkatorzhani ss.-poselencev, 1924. 16 s. (In Russian).